

МИЛАНА ЛОТОС

ИЗМЕНА

БЫВШАЯ ЛЮБОВЬ МУЖА

Милана Лотос

Измена. Бывшая любовь мужа

<https://litres.ru/74204593>

Аннотация

- Мы разводимся, - произнесла я с раздражением, - такой вариант тебя устраивает?

- Нет, не устраивает! - ответил он с раздражением и со всей силы поставил кружку на блюдце, которое жалобно звякнуло. - Янина, женщина, которую я любил и продолжаю любить, так же как и тебя. А еще она родила мне дочь.

- Продолжаешь любить?! Вот так, да?

- Да так. В ближайшее время, хочешь ты этого или нет, Янина и Мариша будут жить с нами. Я принял такое решение, и я надеюсь, что ты согласишься с моим мудрым выбором.

♥#сложная беременность

♥#очень эмоционально

♥#измена и другая семья

♥#ХЭ для тех, кто заслужил

Выход прод: первую неделю каждый день!

В книге содержится обценная лексика!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	9
Визуализация ♥#	14
Глава 3.	16
Глава 4.	22
Глава 5.	27
Глава 6.	31
Глава 7.	36
Глава 8.	44
Глава 9.	52
Глава 10.	57
Глава 11.	62
Глава 12.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Глава 1.

– Янина, привет! - Машу рукой лучшей подруге, которую не видела несколько месяцев, и, поддерживая свой большой живот, подхожу к ее столику. - Какая же ты... красивая.

– Варечка, милая. Ты ждешь ребенка? - Удивленно произносит подруга, и ее глаза на одно мгновение потухают, а потом вновь вспыхивают. Разительная перемена не остается для меня незамеченной. Так, бывает смотрят завистливые подруги, которые мечтают о ребенке долгие годы, но у них, к сожалению, ничего не получается.

– Да. Восьмой месяц. - Я киваю и глажу свой живот.

Смотрю на рядом сидящую маленькую девочку. Она копия Янины. Такая же светленькая, как ангелок, и глазки голубые, словно васильки в поле. Она кушает пирожное и шумно запивает его чаем. Я улыбаюсь от какого-то непонятного, но знакомого и очень приятного чувства.

– Немного осталось отмучиться, а дальше начнется все самое интересное. Да ты садись уже. В ногах правды нет, - произносит подруга и отодвигает для меня стул.

– Ох, Яночка, жду не дождусь. Я и правда уже подустала. Беременность была, мягко говоря, нелёгкая. Но меня очень муж поддерживает, так что...

– Муж? Серьезно? - Хмурится блондинка и отпивает из большого стеклянного стакана молочный коктейль. - Мак-

сим, кажется, так его зовут?

— Да, Максим. Всё по-прежнему мой любимый и единственный муж Максим Яхонтов, — нежно произношу имя, которое не сходит с моих уст двадцать четыре часа в сутки. С этим именем я засыпаю и просыпаюсь. — А ты замужем?

— Я? Хм... нет, - отрицательно качает головой подругой и грустно улыбается, - свободна как ветер. Но ты знаешь, меня все устраивает. Ни от кого не завишу. Никаких скандалов, выноса мозга или неожиданных измен, о которых узнаешь, в самый неподходящий момент. Ни тебе грязных носков по всей квартире или занятого сортира по утрам. Ни отрыжки, ни храпа, ни мата во время очередного футбольного матча.

— А что насчет помощи с ребенком, когда хочется побыть одной. Нежности в холодные ночи и обнимашки, когда так плохо, что хочется волком завывать. А еще цветы, подарки и неожиданные свидания с любимым человеком. Завтраки по утрам и кофе в постель, ужины со свечами и любимое кино в обнимку под сладкий попкорн. А потом... просто потрясающий секс с обожаемым мужем.

— Я люблю солёный, - резко отвечает Янина и отворачивается. Я вижу по ее лицу, что мои аргументы перевесили ее и от этого ей очень грустно. Я понимаю, что подруга все это очень хочет, но сопротивляется всеми руками и ногами, пытаясь показать свою независимость и силу свободной женщины. Но в душе, она все та же хрупкая девушка, которая ночами плачет в подушку, пока никто не видит и не слышит.

А сердце ее каждый раз проливается кровавыми слезами, когда она видит влюбленные пары.

– Прости, дорогая, - кладу ладошку на ее руку, но она резко одергивает ее. Смотрит зверем на меня и от ее взгляда мне становится не по себе. В ее глазах столько ненависти и ярости, что я отстраняюсь и хлопаю ресницами, - что с тобой, Ян?

– Ничего... просто. Извини, - она поднимается и берет свою сумку со стула, - мне нужно в дамскую комнату. Побудь с Маришей, пожалуйста. Я недолго.

– Да, конечно. Без проблем не торопись. - Говорю ей вслед, но она, кажется, не слышит меня. Или делает вид, что не слышит. Она направляется мягкой кошачьей походкой, виляя округлыми бедрами в сторону пудренной. После рождения ребёнка она сразу же начала заниматься своей фигурой и за полгода вернула прежние формы. Обычно на это требуется от девяти месяцев до полутора лет, но Янина смогла достичь цели всего за несколько месяцев.

Чтобы ускорить процесс, она обратилась к услугам дорогого фитнес-тренера, нутрициолога и диетолога. Под их руководством она быстро достигла желаемого результата.

Я хотела сделать то же самое, потому что понимала, чтобы муж продолжал желать тебя как женщину и не смотрел на сторону, нужно быть красивой и подтянутой. Учитывая, что между нами не было близости почти полгода, я надеялась, что после родов достаточно быстро восстановлюсь. Из-

за тяжелой беременности врач запретил нам заниматься любовью, и я сильно испугалась, что муж пойдет на сторону. Но Макс воспринял заветы врача спокойно и сказал мне тогда.

– Главное, жизнь нашего ребенка. А потрахушки подождут. Ничего страшного, из-за недолгого воздержания еще никто не умирал.

Именно тогда я поняла, что люблю мужа еще сильнее. Хотя, наверно сильнее любить было невозможно. Но я поняла, что очень даже. Мой Максим был самый добрым, самым милым и самым любимым. А еще он очень любил нашего малыша, нашего сына, о котором Макс мечтал многие годы. Когда же он узнал, что у меня в животике мальчик, он был на седьмом небе от счастья. И я тоже - оказывается, я очень хотела сына, наследника, красивого мальчика, похожего на моего любимого мужа.

От приятных мыслей меня оторвал вопрос Мариши.

– А как тебя зовут? - Глядя мне в глаза, спросил ребенок.

– Варвара. - Ответила я. - А тебя как?

– Марина Максимовна. - Ответила девочка и улыбнулась.

А у меня внутри что-то нехорошо кольнуло, и я сморщилась от непонятной боли. Погладила грудь в районе сердца и отпила воды из стоящей на столе бутылки.

– Значит, твоего папу зовут Максим? - спросила я девочку, но ответа не дождалась, потому что ребенок вскочил со своего стула, и побежала в сторону выхода из кафе. Я резко обернулась и увидела входящего в двери мужчину, уди-

вительно похожего на моего мужа.

– Папа, папочка! - Закричал ребенок и бросился в раскрытые объятия моего любимого супруга.

Глава 2.

– Папочка, - прошептала я ошарашенно и ощутила, как ребенок внутри меня толкнулся. - Папочка?

Не отрывая взгляда от трогательной сцены, где любящий отец обнимал маленькую дочь, мне вдруг показалось, что я здесь лишняя. Я с трудом поднялась со стула, держась за столешницу. Ноги дрожали, и жар накатывал волнами. Сердце колотилось как сумасшедшее, и перед глазами кружились блестящие мушки.

Вероятно, это был приступ, и от этого мне стало по-настоящему страшно. Ведь если я упаду на пол, мой ребенок может пострадать. Родной сын моего любимого мужа, который сейчас держал на руках дочь? Это что и правда была его родная дочь?

– Нет, – прошептала я, покачав головой, – Макс не может быть отцом Мариши.

Услышав легкий стук каблуков, я обернулась и увидела свою подругу, приближающуюся ко мне. Она радостно улыбалась и махала рукой моему мужу и своей дочери.

– С чего ты это взяла, м? Думаешь, только тебе можно быть счастливой при красавце муже? - Ехидно спросила подруга и улыбнулась. - Не думала о том, что иногда нужно делиться счастьем с лучшими подругами.

– Делиться... с тобой? – выдохнула я, чувствуя, как к

горлу подступает тошнота. Неприятное покалывание кожи, словно мелкие иголки, усилилось, превращаясь в острые иглы, которые проникали в самое сердце.

– Да. Делиться! – резко ответила Янина, и я увидела на ее лице жуткий оскал. – Делиться семейным счастьем и дорогим мужчиной. И, как ты сказала, потрясающим сексом с обожаемым супругом.

Развернувшись, Янина мягкой походкой прошла мимо меня, грубо задев бедрами. Я не упала, но покачнулась. Удержавшись за круглый столик, я посмотрела вслед уходящей подруге, и мне показалось, что все это мне только снится. Нет, такого просто не может быть. Она не могла со мной так поступить. Просто не могла. Мы же были лучшими подругами. Делились сокровенными тайнами, жили вместе в одной комнате общаги, когда учились в институте. Никогда не отнимали друг у дружки парней и считали себя практически сестрами. Вот только потом, жизнь нас разбросала. Сначала по разным городам, потом по разным работам и, наконец, семьям. У меня появился Макс, а у Янины? Хм... тоже Макс.

И тут я подняла глаза и встретила со встревоженным взглядом своего мужа. Сколько прошло времени, как он увидел меня стоящей у столика в этом кафе? Сколько секунд, минут, часов, он стоял и смотрел на меня, не смея подойти? Сколько же усилий ему потребовалось, чтобы НЕ подойти ко мне и не сказать, что всё это неправда!

Мариша — не его дочь, а дочь Янины, которая иногда называет его папой. И это лишь потому, что у этой девочки просто нет родного отца.

— За что? - прошептала одними губами едва слышно, не в силах сдержать слезы, которые жгли, словно кислота, разъедая кожу и проникая в самое сердце.

И тут Максим осторожно поставил девочку на пол и нежно коснулся ладони Янины. Это легкое прикосновение вызвало у меня новый приступ боли в груди. Я тихо застонала и почувствовала, как меня захлестывают судорожные рыдания.

Муж сделал несколько шагов в мою сторону и остановился рядом.

— Варвара, что ты здесь делаешь? - Спокойным, практически равнодушным голосом спросил меня мой любимый супруг.

— Наблюдаю за тем, как наша с тобой семейная жизнь разбивается вдребезги. - произнесла я надломленным голосом, обняв себя за плечи, только чтобы унять предательскую дрожь.

Отвернувшись, чтобы не видеть любимое лицо моего мужа, я заметила, что моя бывшая лучшая подруга с ухмылкой смотрит мне в глаза. Казалось, ей совершенно не было стыдно за то, что происходило в этом кафе. Да что там кафе, ей было плевать на то, что своими действиями она только что разрушила семью и уничтожила любовь, которую мы с му-

жем с такой заботой взращивали. Но вероятно, это была не только ее вина.

Лицо мужа оставалось бесстрастным, и мне казалось, что он совсем не чувствует за собой вины. Ну подумаешь, ребенок и еще одна женщина на стороне. С кем не бывает? Вторая семья? Хм... ничего особенного. Каждая женщина заслуживает счастья.

– Она не разбивается вдребезги. Не говори ерунды! - Раздраженно произнес Максим. - Наша семья просто переживает некоторые сложности. Но это временно. Скоро все наладиться. Не переживай.

Муж подходит ближе и пытается обнять меня за плечи, чтобы затем привлечь к себе и, как он обычно это делает, успокоить и пожалеть. Но я резко отшатываюсь и с силой ударяю хлесткими ладонями по его рукам.

– Не трогай меня... сейчас, - цежу сквозь зубы и гневно смотрю на него. Глаза застилают слезы ярости, и впервые в жизни я испытываю странное желание вцепиться ему в горло и разорвать его на части. До самой крови.

– Поехали домой и там спокойно все обсудим, - он резко хватает меня за локоть и пытается увести из кафе. Я понимаю, что сопротивляться бесполезно, муж намного сильнее меня, да и мне хочется побыстрее уехать из этого жуткого места.

Мы проходим мимо Янины и её дочери, и я снова встречаюсь взглядом со своей бывшей подругой, которая меня пре-

дала. Но на её лице всё ещё застыло торжествующее выражение. Ей не стыдно, не обидно. Она не раскаивается, а смотрит на меня, как победительница на поверженного противника.

– Поздравляю тебя, Варечка, теперь мы одинаково счастливы с нашим общим мужем.

– Хватит! - резко прерывает её муж. - Замолчи, Яна. Садитесь с Маришей в машину и поезжайте домой. Я скоро на беру.

– Любимый, - нежно произносит бывшая подруга, - тебя сегодня ждать на ужин?

Визуализация

Друзья мои хорошие, добро пожаловать в новую историю любви и развода между молодыми супругами.

В этой истории все будет сложно и неоднозначно, но мы справимся.

В общем, запасаемся носовыми платками, сковородками и успокоительным.

Будет сложно.

А сейчас, я бы хотела познакомить вас с нашими новыми героями.

Варвара Яхонтова, 28 лет.

Максим Яхонтов, 35 лет

Янина Потапова и Мариша, 27 лет и 4 года соответственно

Если вам нравится визуализация героев, напишите об этом в комментариях.

Мне будет приятно.

А еще ваши лайки, добавления в библиотеку и подписка на автора сделает его по-настоящему счастливым.

Глава 3.

У меня перехватывает дыхание, руки дрожат, но в этот момент, у меня лишь одно желание - задушить эту гримзу. Как она посмела назвать моего законного супруга, любовь всей моей жизни — любимым. Да кто она такая?

Я разворачиваюсь, выставляю вперед ладони, чтобы расцарапать лицо своей бывшей подруге.

– Не надо! - резко прерывает муж и смотрит на меня суровым взглядом. - Не здесь.

– Пусти меня, – выдавливаю из себя сквозь зубы, стараясь сдерживать рыдания.

– Варя, пожалуйста, послушай меня, - говорит медленно, видимо, чтобы до меня дошло, - не надо устраивать здесь скандал.

Я смотрю на довольное лицо любовницы своего мужа и пытаюсь понять, почему она такая? Почему так ведет себя со мной? Когда вдруг моя подруга стала такой?

Но в голову ничего не приходит, кроме горькой обиды и жалости к себе. Поэтому я лишь опускаю глаза и развернувшись, выхожу за дверь кафе. Ноги не слушаются, и на мгновение мне кажется, что я сейчас упаду. Но муж подхватывает меня под локти и ведет к нашей машине. Я продолжаю судорожно всхлипывать и глотать обиду. Голова кружится и меня подташнивает. Машинально держусь за свой большой

живот, словно пытаюсь укрыть своего ребенка от той боли, что мне только что причинили. Но мой сынок все понимает, чувствует, что маме плохо, поэтому ведет себя беспокойно. Толкается.

– Ты как, Варь? – заботливо спрашивает муж, ведя меня под локти и прижимая к себе. Ведет себя так, как будто между нами сейчас ничего не произошло. Словно не было предательства и демонстрации передо мной своей второй семьи. От этой лжи меня выворачивает наизнанку, и я больше не сдерживаясь и никого не предупреждая, изливаюсь завтраком на дорогой костюм мужа.

– Варвара, блядь! Да твою ж мать! – Срывается на мне муж и резко отстраняется от меня. Пытается стряхнуть рвоту с брюк и пиджака, но только размазывает ее еще больше. – У меня сегодня еще совещание в совете директоров.

– Я не хотела, – выговариваю без сил и обхожу машину, сажусь на переднее пассажирское сидение. В висках стучит, а во рту отвратительный привкус рвоты. Глазами ищу воду и ничего не нахожу. Руки тянутся к бардачку и находят пластиковую бутылку. Вместе с ней, я вытаскиваю кружевные красные трусики, которые падают мне на колени.

Я хлопаю глазами, не веря, что ЭТО лежит на моем платье.

В этот момент водительская дверь открывается и муж залезает на сиденье. Оглядывает меня и ухмыляется.

– Варь, сейчас не время снимать нижнее белье.

– Это не моё, идиот! - Резко отвечаю и кидаю трусы ему в лицо. Загибаю подол платья и показываю хлопковые трусы для беременных, которые сделаны специально для живота. Не жмут, не натирают. Ни разу не кружевные.

– Да? А чьё? - Непонимающе смотрит на меня. Опускает глаза на мое нательное бельё и хмурится.

– Вероятно, твоей любовницы и моей бывшей подруги. Поимел бы совесть, Макс, как тебе не стыдно заниматься сексом в нашей машине. Неужели больше мест нет.

– Прекрати, Варя. Я не знаю, как эти, - он показывает на кружевные дорогие трусики, - оказались в машине. Я их точно туда не клал.

– Значит, положил кто-то другой, - отворачиваюсь, не в силах смотреть в лицо мужа. Делаю пару глотков воды и ощущаю, как меня постепенно отпускает. Боль в висках больше не разрывает голову, сухость во рту пропала, но теперь мне начало знобить. Я протягиваю мужу бутылку и застегиваю тонкую кофту на пуговицы. Но мне ничего не помогает, дрожь продолжает бить меня, и теперь уже зуб на зуб не попадает. Мне плохо, и я это очень хорошо понимаю.

– Что с тобой, Варюш? - Спрашивает муж и касается моей руки, но я вырываю ладонь, словно меня коснулось какое-то отвратительное чудовище.

– Отвези меня домой, - дребезжащим голосом прошу Макса, - мне надо прилечь и поспать.

– Может, лучше в больницу? - Предлагает муж встрево-

женным голосом. - Здесь недалеко есть одна хорошая.

– Нет, пожалуйста, не спорь сейчас со мной. Мне необходимо просто оказаться в родных стенах и прилечь. Больше от тебя мне ничего не нужно.

– Больница просто ближе. Мы будем там минут через семь. А до дома ехать как минимум полчаса.

– Тогда я поеду на такси, - серьезно произношу и пытаюсь открыть дверь салона.

– Я понял тебя. Не надо только устраивать истерик, хорошо. Домой значит домой.

Я вздыхаю и немного расслабляюсь. Закрываю глаза, в надежде уснуть, но чувствую, как меня накрывают пледом с заднего сидения и мне становится теплее.

Дрожь отступает, и на некоторое время я проваливаюсь в тяжелую дрему, которая позволяет мне не думать о том, что случилось с нашей семьей в том злополучном кафе.

– Приехали, Варюш, - ласково будит меня мой муж, и я резко открываю глаза. Отстраняюсь и отодвигаю от себя плед. Выхожу на дрожащих ногах во двор нашего элитного дома бизнес-класса. Квартира у нас на верхнем этаже, большая двухуровневая, отделанная по индивидуальному дизайну. Мечта любого жителя мегаполиса. Но только не моя. Я хотела жить в своем доме, где-нибудь за городом. И мы с Максом так и планировали, что после рождения сыночка, мы купим дом и переедем жить туда. Видимо, эта мечта так и останется мечтой.

После того как мы поднялись на большом красивом лифте к нам на этаж и вошли в квартиру, я сразу же отправилась в ванную комнату. И оставалась там до тех пор, пока мне не стало легче. Дрожь прошла, и голова перестала болеть. Я приняла душ и вышла в просторную гостиную.

Макс сидел в объединенной с гостиной кухне и пил кофе. Он всегда пил только чёрный кофе без сахара, и ничто другое не воспринимал. Чай, соки и какао не считались напитками в его понимании.

– Варвара, надо поговорить. Сейчас!

– Не о чем, - отрезала я и развернувшись, пошла к лестнице, - я хочу спать. А ты можешь разговаривать сам с собой, я не против. А еще лучше, можешь отправляться на все четыре стороны. В одном из этих направлений живет твоя любовница с дочерью.

– Не начинай, пожалуйста. Вопрос и правда серьезный, и чем мы быстрее его обсудим, тем лучше будет для нас.

– Хорошо, – произнесла я с раздражением, – мы разводимся. Такой вариант тебя устраивает?

— Нет, не устраивает! — ответил он с раздражением и со всей силы поставил кружку на блюдце, которое жалобно звякнуло. - Янина, женщина, которую я любил и продолжаю любить, так же как и тебя. А еще она родила мне дочь.

Я задыхаюсь от возмущения и от тех слов, что только что произнес муж. Меня снова начинает трясти, только теперь уже от бешенства.

– Продолжаешь любить?! Любить? Её? Вот так, да?

Я делаю несколько шагов в его сторону и хватаю первое, что попадаете мне под руку. Это фарфоровая тарелка с фруктами. Я со всей силы бросаю её в мужа, но он успевает уклониться. Тарелка ударяется о стену и разбивается на куски. Фрукты разлетаются по всей кухне, и брызги от вишни и клубники пачкают его белоснежную свежую рубашку.

— Сумасшедшая, — спокойно произносит он, поднимается, преодолевает расстояние до меня и хватает меня за запястья. — Это чтобы ты снова в меня чего-нибудь не бросила.

– Пусти меня! Пусти, сволочь! - кричу я, пытаюсь вырваться, но муж не обращает внимания на мои слова.

– В ближайшее время, хочешь ты этого или нет, Янина и Мариша будут жить с нами. Я принял такое решение, и я надеюсь, что ты согласишься с моим мудрым выбором.

Глава 4.

– С мудрым выбором? – вырывается у меня хриплый, перекошенный смешок. Возмущение сдавливает горло, не давая дышать. – Ты это называешь мудрым выбором? Да ты просто издеваешься надо мной! Ты слышишь себя?!

– Вы с Яной близкие подруги, – его голос мерно катится, как будто он зачитывает инструкцию к бытовому прибору, а не ломает мою жизнь. – Вам будет легко найти общий язык. Вы же хорошо знаете друг друга.

От этих слов в голове будто что-то щелкает. Грань между реальностью и кошмаром стирается окончательно.

– Что?.. Что ты несешь, Макс? – голос мой дрожит, сбивается. Я ловлю воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег. – Я не могу... не могу поверить в то, что слышу. Это какой-то бред!

Я делаю резкое движение, пытаюсь вырваться, но он отпускает мою руку, и я чуть не падаю от неожиданности. Его спокойствие пугает куда больше крика.

– Во-первых, успокойся и выдохни, – он говорит свысока, как капризному ребенку. – А во-вторых, чего тебя, собственно, не устраивает, Варь? Когда я на работе, Яна будет с тобой. Вы будете помогать и поддерживать друг друга. Особенно сейчас, в твоём положении.

В ушах звенит. Я слышу его слова, но мозг отказывается

их складывать в осмысленные предложения.

– То есть... – начинаю я, и голос звучит чужим, тонким, – ты хочешь, чтобы твоя любовница жила здесь, с нами, и прислуживала мне? Убирала за мной? Подавала чай? Это твой план?

– Нет, Варвара! – наконец в его голосе прорывается раздражение. – Я хочу, чтобы мы все жили здесь, как одна большая семья! Ты, я, и Яна с Маришей. Две моих любимых женщины. Одна – официальная жена, вторая – гражданская. На равных правах.

Тишина повисает на секунду, густая и звенящая. А потом во мне что-то взрывается.

– Ты что, гребаный султан?! – крик вырывается из самой глубины души, рвет горло. Я не пытаюсь его сдержать. – Мы живем в России, а не в гареме! Яхонтов, ты вообще в своем уме? Ты ничего не попутал?

– Не попутал, – он отрезает резко, холодно. Его глаза становятся стеклянными. – Я так решил. И ты либо соглашаешься с этим, либо...

– Либо что? – перебиваю я, и голос вдруг становится опасным шепотом. В висках стучит, подкатывает тошнота. Я с трудом добираюсь до стула и тяжело опускаюсь на него, прижимая руки к животу. – Продолжай, любимый. Я вся во внимании. Что ты сделаешь?

– Ничего, – он отвечает с ледяным спокойствием, наблюдая, как я вытираю со лба липкий пот. – Тебе просто при-

дется смириться. Другого не дано.

От его тона по коже бегут мурашки. Это уже не муж, не любимый человек. Это чужой, жестокий мужчина.

– Правда? – я выдавливаю из себя улыбку, и она больше похожа на оскал. Дышу шумно, прерывисто. – А я, по-твоему, рабыня? Я в свободной стране живу, на последней проверке. И выходила замуж по любви, а не в рабство. Любви нет. Уважения – тем более. Значит, развод.

– Я сказал, развода не будет! – он рывкает так, что я вздрагиваю и instinctively отшатываюсь. Старая детская травма, страх перед криком, сковывает меня. Слезы подступают к глазам, предательские, жгучие.

– Это мы еще посмотрим, – бормочу я, поднимаясь. Ноги ватные. Я плетусь на кухню, хватаюсь за столешницу, чтобы не упасть. Дрожащими руками наливаю чай. Мне нужно сахара, нужно срочно прийти в себя, иначе я рухну здесь же.

– Мне пора на работу, – его голос звучит сзади, деловито и обыденно, словно он только что не предлагал мне стать частью его гарема. – Когда вернусь, продолжим. Надо прийти к консенсусу.

– Зачем? – оборачиваюсь я. Взгляд мой пустой, выгоревший. – Ты же уже все решил. За нас обоих.

– Я хочу, чтобы ты поняла, что мое решение разумно, – он подходит ближе, и в его глазах я снова вижу тумак, попытку сыграть в любящего мужа. – Варя, я люблю тебя. И нашего сына. Я хочу, чтобы мы жили, как раньше. Просто... семья

стала больше.

– В нашей квартире поселится твоя любовница, – говорю я монотонно, уставившись в темную глубину чашки. – И твоя незаконнорожденная дочь.

– Дочь я признал. И теперь мне нужно твое согласие на удочерение.

Голова медленно поднимается. Я смотрю на него, не веря своим ушам. Кажется, уже ничто не может шокировать. Могу ошибаться.

– Чего?

– По закону я не могу удочерить ее, пока мы в браке. Поэтому...

– Поэтому мы разводимся, Яхонтов! – я вскакиваю, и чашка с грохотом падает на пол, обдавая ноги горячими брызгами. – Окончательно! Ты понял? Всё!

Я прохожу мимо него, не глядя, иду к лестнице. Слезы застилают все, но я не даю им упасть. Я не дам ему этого удовольствия.

– Окончательно только одно! – его голос гремит мне вслед, злой, искаженный яростью. – Ты моя жена! И останешься ею навсегда! Ясно?! Я тебя никогда не отпущу! Никогда! Еще раз услышу такое – не знаю, что с тобой сделаю!

Я замираю на ступеньке и медленно оборачиваюсь. Он стоит внизу, и я вижу перед собой незнакомое чудовище. Его кулаки сжаты, ноздри раздуваются, а глаза... в них пылает настоящий, неприкрытый огонь безумия.

— Как ты смеешь... — выдыхаю я, и в голосе слышны слезы и надрыв. — Как ты смеешь так со мной говорить? Я же... я же любила тебя... больше жизни. Ты был для меня всем... Воздухом, солнцем... Я молилась на тебя, Максим!

Рыдания, наконец, прорываются наружу. Я прижимаю руки к груди, где рвется на части сердце.

— Не останавливайся, Варюш, — его голос становится сладким, ядовитым, насмешливым. — Продолжай молиться. Мы — семья. И ничто нас не разлучит. Теперь уж точно. Да, родная?

Глава 5.

– Конечно, любимый, – мой голос звучит хрипло и неестественно сладко. Я говорю это в спину уходящему мужу, и слова падают на пол, как отравленные конфеты. Словно соглашаюсь с его безумием, лишь бы он поскорее исчез. Лишь бы остаться одной.

Оставаться здесь, в этих стенах, пропитанных ложью и предательством, нет ни сил, ни желания. Голова знает, что адвокат будет прав – это совместно нажитое. Но сейчас сердце разорвано, и ему плевать на юридические тонкости. Ему нужно бежать. Прямо сейчас.

Но как только я оказываюсь в спальне и открываю дверцу шкафа, на меня обрушивается стена физического истощения. Ноги подкашиваются, в висках стучит. Я могу лишь рухнуть на край кровати, на ту самую, где еще недавно мы с ним шептались по ночам и строили планы на будущее. Тело отказывается слушаться, предательски слабея. Восьмой месяц, стресс, обезвоживание – все это сливается в один сплошной гул в ушах. Глаза сами закрываются, и меня накрывает черная, беспросветная волна забытья.

Я проваливаюсь в сон, как в бездну.

А просыпаюсь от кошмара, который оказался реальностью. Громкие голоса, топот каблуков по мрамору лестницы... Детский смех. ЧУЖОЙ детский смех в моем доме.

Я резко сажусь, и острая, знакомая боль в правом боку заставляет меня застонать. Печень. Опять она. Я хватаюсь за бок, чувствуя, как знакомый горький привкус подкатывает к горлу. Последние недели я просто заливаю эту боль таблетками, лишь бы доносить, лишь бы не в больницу. Ради сына. Только ради него.

И тут дверь распахивается.

В проеме – она. Янина. Моя бывшая лучшая подруга. Любовница моего мужа. Она стоит и оценивающе осматривает нашу спальню. Ее взгляд скользит по шкафам, по туалетному столику, по кровати... Этот взгляд – не просто любопытство. Это взгляд хозяйки. Она примеряет мое жизнь на себя. По спине бегут мурашки, холодные и противные.

– Варя, привет. Ты еще здесь? – ее голос холодный, ровный, в нем нет ни капли смущения. Только легкая удивленная насмешка.

«Здесь». Это слово ранит сильнее ножа. Я – «еще здесь», на своей же территории, словно незваная гостья, которую терпят из милости.

– В каком смысле «здесь»? – мой собственный голос звучит хрипло и злобно. Внутри все закипает. Я чувствую, как по венам разливается яд ненависти, горячий и густой.

– Я надеялась, ты уже уедешь из квартиры Макса. Особенно после... всего, – она делает многозначительную паузу, и ее губы растягиваются в едва заметной улыбке.

Это уже слишком. Сжимаю кулаки так, что ногти впива-

ются в ладони.

– Если кто-то и уедет отсюда, так это ты! – шиплю я, делая шаг к ней. Меня трясет от бессильной ярости. – Ты здесь лишняя! Понимаешь? Третья лишняя! Убирайся!

– Мамочка! Мамочка, ты где? – из коридора доносится звонкий голосок. – Мы теперь тут жить будем? А где моя комната?

В дверь заглядывает Мариша. Ее ангельское личико озабочено улыбкой. Она смотрит на меня с детским любопытством, и сердце сжимается от боли. Она не виновата. Ни в чем.

– Сейчас, заюш, покажу, – ласково говорит Яна, и ее взгляд на мне торжествующий. Победный. Она разворачивается и выходит, ведя дочь за руку.

Я остаюсь одна, пытаюсь перевести дыхание. Не могу поверить в происходящее. Это какая-то сюрреалистичная пытка. Она уже здесь. Устраивается. И мой муж... мой муж это разрешил.

Как автомат, я выхожу в коридор и вижу, как она открывает дверь в гостевую комнату – прямо напротив нашей спальни – и уверенно заходит внутрь с дочерью.

И тут меня осеняет. Жуткая, леденящая душу догадка. Она знает планировку. Она знает, куда идти. Она ЗНАЕТ эту квартиру.

Они уже были здесь.

Может быть, они были здесь, пока я была у родителей?

Может быть, они... они...

Я резко оборачиваюсь к своей спальне. К НАШЕЙ кровати. К этим простыням... Тошнота подкатывает с новой силой. Я закрываю рот ладонями, чтобы не закричать, не завывать от отвращения и боли.

– Нет, нет, нет... – бормочу я сама себе, качая головой.
– Этого не может быть... Макс не мог... Он не мог такого допустить!

– Что не мог допустить? – сзади раздается его голос.

Я оборачиваюсь. Он поднимается по лестнице, его лицо выражает спокойствие, которое сейчас кажется верхом цинизма. Он пытается приобнять меня, но я отскакиваю, как от огня.

– Ты... ты спал с ней ЗДЕСЬ? – вырывается у меня, голос срывается на визгливый шепот. – В нашей спальне? На нашей кровати? ОТВЕЧАЙ, МАКС! БЫЛО ЭТО?!

Он морщится, его маска спокойствия трескается.

– Не носи глупостей, Варь. Яна здесь впервые.

– ВРЕШЬ! – кричу я, и меня начинает бить мелкая дрожь.
– Ты все врешь! Когда ты прекратишь врать?!

– Да, любимый, – снова вступает Яна, появляясь в дверях гостевой комнаты. Ее голос сладок и ядовит. – Когда ты прекратишь врать своей первой жене? Признайся уже. Мы занимались любовью здесь. И не раз. И знаешь... – она делает паузу, наслаждаясь моментом, – кажется, именно в этой квартире, в твоем кабинете, и была зачата наша Мариша.

Глава 6.

– Я не помню такого, – бросает муж, упрямо уставившись в пол. Его голос – пошлая ложь, и от этого комок горечи подкатывает к самому горлу. Да, он не помнит. Потому что для него это было ничего не значащей шалостью, а для меня – ножом в спину.

– Зато я отлично все помню, – с сладострастным шипением вступает Янина, и ее голос, словно змея, обвивает меня, сжимая горло. – Жена твоя уезжала к родителям на пару дней, и мы здесь с тобой кувыркались. На этой кухне, на этом диване... в вашей постели.

Мир сужается до точки. Звук собственного сердца гложет в ушах, а в животе холодной тяжестью поворачивается ребенок. Меня сейчас вырвет.

– Хватит! – мой крик рвет тишину, рука взлетает сама собой, останавливая этот поток грязи. Голос дрожит от ярости и унижения. – Я не желаю больше ничего слушать! От вас. Вы два мерзких, бесчестных существа, которые пытаются выдать свою грязь за норму!

– А что не так? – Яна разводит руками, ее наигранное недоумение вызывает прилив такой ненависти, что пальцы сами сжимаются в кулаки. – Я люблю Макса и всегда считала, что, женившись на тебе, он совершил ошибку.

– Неправда! – Макс резко оборачивается к ней, и в его

глазах мелькает искра страха. Страху разоблачения, страха потерять то, что он так выстроил. — Я никогда ничего подобного не говорил. Не выдумывай. Я люблю Варю и женился на ней по любви. — Он произносит это с таким надрывом, словно пытается убедить в этом прежде всего себя.

— А я? — Голос Янины становится тонким, пронзительным, как лезвие. Она складывает руки на груди, и в ее позе читается вызов. — А меня, ты тоже любишь? Отвечай, Макс.

Тишина повисает густая, давящая. Он отворачивается, его лицо искажается гримасой мучительного выбора.

— Да... люблю, — наконец, глухо, почти беззвучно вырывается у него. Словно пуля, от которой внутри все разрывается в клочья. — Поэтому я и решил, что теперь наконец-то мы будем жить все вместе. Мне надоело разрываться на две семьи.

— Теперь одна любящая, — выдыхаю я, и голос мой — хриплый шепот, полный презрения. В горле першит от сдержанных слез. — Можно больше не разрываться. Ты, наверное, так измучился, бегая между двумя домами? Путаясь в ласковых прозвищах, чтобы не ошибиться? Просыпаясь и не сразу понимая, в чьей постели ты находишься? Бедный, бедный ты мой...

— Хватит ёрничать! — взрывается он, его лицо багровеет. Он делает шаг ко мне, и я инстинктивно отступаю, прикрывая живот. — Успокойся уже, тебе нельзя нервничать! Наш сын все чувствует!

– Вспомнил про сына, папаша? – голос срывается на крик, из глаз наконец прорываются предательские горячие слезы. – О чем ты думал, когда приводил в наш дом свою любовницу? О его благополучии? О душевном состоянии его матери? НЕТ! Ты думал только о своем убогом, жалком эгоизме! Ты – гнусный изменщик! И я тебя ненавижу!

– Варвара, перестань, это все эмоции, – он пытается говорить спокойно, но это фальшиво, как его любовь. – Почему бы тебе просто не успокоиться и не пойти заварить нам всем вкусного чая. Мы спокойно посидим и все обсудим.

– Я могу заварить! – тут же, как по команде, подскакивает Янина, и на ее лице расцветает такая сладкая, доброжелательная улыбка, что меня реально подташнивает. – Знаю один потрясающий рецепт, мамин. Милый, надо бы привезти сюда вещи из нашей съемной квартиры, освободить ее...

– Не волнуйся, малыш, я займусь этим, – его голос становится ласковым, каким он был когда-то только для меня. Он притягивает к себе Яну и целует ее в висок. Нежно. Так, как целовал меня по утрам.

Что-то внутри меня обрывается.словно лопнула последняя ниточка, державшая мой разум. Злость, холодная и ослепляющая, застилает глаза. Прежде чем я успеваю подумать, ладонь сама взлетает и с резким хлопком обрушивается на его щеку.

Звук оглушает. Они оба вздрагивают и смотрят на меня с одинаковым выражением шока и злобы.

– Ты с ума сошла?!

– Простите, что помешала, – шиплю я, и каждая клеточка тела дрожит от ненависти. – Но я еще здесь хозяйка. И не позволю тут распоряжаться этой... потаскухе.

– Я не потаскуха! – взвизгивает Яна, ее маска доброжелательности мгновенно спадает, обнажая злобу. – После того как я встретила Макса, он стал для меня единственным!

– Макс – МОЙ муж! – голос срывается, переходя в истерический шепот. – Какого черта ты полезла в его постель? Ты вообще в своем уме? У тебя есть хоть капля совести? Или в детстве тебя ничему путному не научили?

– Я знаю одно, – ее глаза сужаются. – Сильная любовь дается раз в жизни. И если ты ее нашел – хватай и держи. Зубами, когтями, чем угодно!

– Это не любовь! Это болезнь! Ты построила свое мнимое счастье на моих осколках! На чужом несчастье счастья не построишь!

– Слова брошенки, – ядовито ухмыляется она. – Разведенки.

– А твоя дочь знает, – перевожу взгляд на дверь, за которой осталась девочка, – кем ее мама приходится ее отцу? Знает, что он чужой муж?

– Не трогай мою дочь! – она делает резкий выпад в мою сторону, и я инстинктивно отскакиваю, прикрывая живот руками.

– Достаточно! – рычит Макс, вставая между нами, но его

голос уже не имеет надо мной власти.

– Думаю, ты прав, дорогой. Достаточно, – говорю я, и голос мой вдруг становится тихим и ледяным. Слезы высохли. Осталась только пустота и непреложная определенность. – Я ухожу от тебя, Макс. Окончательно. И навсегда.

Глава 7.

Холодные пальцы Макса впились в мое запястье стальным обручем. Боль, острая и безоговорочная, на мгновение опередила ярость.

– Нет, я сказал, – его голос был низким, раскатистым рыком, от которого по спине пробежала ледяная дрожь. – Я тебя никуда не отпускал. Особенно в таком состоянии.

Воздух в просторном холле второго этажа казался густым и тяжелым, наполненным запахом его дорогого парфюма и моих разбитых надежд.

Я попыталась вырваться, но его хватка лишь усилилась, и я с ужасом представила, как завтра на нежной коже проступят сине-багровые отпечатки его пальцев – последний подарок от нашего брака.

– В каком состоянии? – мой собственный голос прозвучал чужим, сдавленным. Я встретила взглядом с Максом, пытаясь найти в его знакомых чертах того человека, в которого была когда-то так безумно влюблена. Но его глаза были холодными и непроницаемыми, как гладь озера в глухую ночь. – Я отлично себя чувствую, дорогой, и очень рада, что наконец-то освобождаюсь от абьюзивных отношений.

Он медленно, с преувеличенным недоумением, сморщил лоб.

– Каких отношений? – он смотрел на меня так, словно я

внезапно заговорила на незнакомом языке. – Что ты несешь? – Не знаешь, кто такой абьюзер? – снова дернула рукой, и боль отозвалась горячим импульсом в виске. – Да отпусти ты меня.

– Я знаю, кто такой абьюзер, – его губы искривились в усмешке. – Вот только при чём здесь я?

Вся горечь, все годы молчаливого подчинения и подавленной воли поднялись комом в горле.

– Да ты в зеркало на себя посмотри, Максим! – выдохнула я, и голос мой задрожал. – Сколько лет мы живем вместе, и ты же из дома мне выйти не давал, ревновал к каждому столбу, устанавливал везде свои правила, манипулировал! А сейчас даже уйти не даешь, считаешь, что я твоя единственная? И что, мне будет хорошо и счастливо жить в одном доме с твоей любовницей или... второй женой? Ты правда так считаешь?

Он лишь пожал плечами, и эта небрежность ранила больнее любого крика.

– А что здесь такого? Подумаешь, поживем втроем. – Его губы растянулись в ухмылке, от которой заныло под ложечкой. – Не надо быть эгоисткой, а иногда стоит подумать и о других. У Яны, например, сейчас проблемы с работой, она увольняется и устраивается на новую. А отсюда ездить удобнее и быстрее. Да и Марише местный садик лучше подходит, он частный и программа здесь лучшая для подготовки к школе. Тем более, в нашей квартире достаточно места для

всех.

В его словах была такая чудовищная, абсурдная логика, что у меня перехватило дыхание.

– Идиот, – прошипела я, чувствуя, как слезы подступают к глазам, но я изо всех сил сдерживала их. – Какой же ты идиот, Макс! А спать твоя любовница, где будет?

Мой взгляд скользнул к Яне, которая стояла чуть поодаль, сжимая в своей изящной руке ладонь моего мужа. Она прижалась к нему, словно боялась, что он ее сейчас отпустит и прогонит прочь. В ее позе чувствовалась какая-то рабская преданность, вызывавшая отвращение.

– В постели со своим мужчиной, – спокойно, почти сладко ответила она, и ее голос прозвучал как пощечина. – Как это было последнее время.

В ушах зазвенело.

– Скатертью дорога, электричку вам наперерез. Вот только меня в свои игрища не впутывайте. Мне еще сына рожать.

Я резко развернулась и прошла в спальню, в нашу когда-то общую спальню, где пахло мной, им и еще чужими, незнакомыми духами. Дрожащими руками я достала с верхней полки шкафа дорожную сумку – ту самую, с которой когда-то приехала сюда, полная надежд.

Теперь я набивала ее вещами с той же лихорадочной поспешностью, с какой когда-то распаковывала их, обживая это пространство.

Когда я вышла обратно, Яны уже не было в холле. Снизу

с кухни, доносился звон посуды – она уже чувствовала себя здесь хозяйкой. А Макс все стоял на своем посту, молчаливый и неумолимый, как страж у ворот моей тюрьмы.

И тут раздался радостный, звонкий возглас:

– Папа, папа!

По коридору бежала Мариша, маленькая девочка с золотыми кудрями и огромными синими глазами – чистый ангел. Она бежала, распахнув объятия, и Макс, увидев ее, преобразился. Суровые складки у рта разгладились, взгляд потеплел, он будто расцвел изнутри.

Он ловко подхватил ее на руки, подбросил в воздух, заставив звонко засмеяться, и потом прижал к себе, уткнувшись лицом в ее шелковистые волосы.

Сердце мое сжалось от щемящей нежности, а следом накатила такая волна обиды и горечи, что я едва устояла на ногах.

Это был не мой ребенок. Не я подарила этого ангела своему любимому человеку. Это сделала другая женщина. Четыре года назад.

В то самое время, когда мы с Максом только начинали жить вместе, когда я засыпала и просыпалась с мыслью о нем, когда мне казалось, что наша любовь способна сменить горы. А он уже тогда встречался с Яной, уже обманывал меня, уже растил в другом месте свою вторую, потаенную семью.

Опустив глаза, чтобы не видеть этой идиллической картины, я сжала ручку чемодана и потащила его к лестнице. Но

Макс, не выпуская из объятий Маришу, успел перехватить его и легко спустил. Я замерла в ожидании новой схватки, нового препятствия, но его не последовало.

Борьба, похоже, закончилась. Он отпускал меня. И в этой внезапной капитуляции была своя особенная, леденящая жестокость.

А мне ли это было нужно?

Этот уход в никуда, в осеннюю ночь, с чемоданом и с ребенком под сердцем, который безмолвно делил со мной тяжесть этого предательства? Отчаянно хотелось остаться, захлопнуть дверь памяти и не знать того, что знала.

Уж лучше бы я не зашла в то злополучное кафе сегодня днем, не встретила там Янину с ее сладкой улыбкой и новым колечком на пальце. Почему я не прошла мимо? Зачем вообще вышла из дома?

Сидела бы сейчас на мягком диване в гостиной, под теплым пледом, и довязывала маленькие пинетки, мечтая о будущем.

Вот и поплатилась за свое любопытство. Ценой всего.

– Варь, может, останешься? – его голос прозвучал прямо над ухом, тихо, почти умоляюще. Он смотрел на меня, и в его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на растерянность.

– Оставь меня в покое, – процедила я сквозь стиснутые зубы, глотая горькие, соленые слезы, подступившие к горлу. – Я ненавижу тебя, Макс. Ненавижу всем сердцем, и ты еще

пожалеешь, что так поступил с нами. Вот увидишь, пожалеешь.

– О чем ты, Варь? – он искренне не понимал.

– Скоро узнаешь, – бросила я с такой ледяной решимостью, что сама себе удивилась. Затем накинула на плечи легкую ветровку, надела мягкие туфли и вышла за дверь, за порог того, что когда-то было моим домом.

Запах ночной прохлады, влажного асфальта и увядающей листвы ударил в лицо. Машину я не водила, да ее у меня и не было. Мы всегда ездили вместе, на его большом черном внедорожнике, и я чувствовала себя защищенной. Теперь же я стояла одна у подъезда, сжимая в потной ладони телефон. Пальцы дрожали, когда я вызывала такси.

– Куда едем? – равнодушно спросил таксист обернувшись.

– К родителям, – тихо, почти машинально ответила я и тут же осознала абсурдность своего ответа. Назвав адрес, я откинулась на потрепанную спинку сиденья и закрыла глаза, пытаясь заглушить хаос мыслей. За стеклом проплывали огни ночного города, такие яркие и безразличные к моему горю.

Через час я стояла у знакомого частного дома с резными наличниками. В окнах горел свет, отбрасывая на ухоженный палисадник теплые прямоугольники. Я не решалась войти. Последний раз я была здесь год назад, и наша встреча закончилась громким скандалом. Родители не знали о моей беременности, да и вообще наше общение в последние годы све-

лось к редким, формальным звонкам. Они были единственными, кто остался у меня в этом городе. И сейчас, наплевав на гордость и старые обиды, я отворила скрипучую калитку и пошла по тропинке к двери.

Я не знала, что меня ждет.

Примут ли? Поймут ли? Но надеялась на лучшее. Больше мне ничего не оставалось.

Не успела я сделать и пары шагов, как услышала скрип половицы из-за двери. Щелкнул выключатель, и веранду залил яркий электрический свет. Дверь распахнулась, и в ее проеме возникли силуэты моих родителей, а следом выскочила младшая сестра Лиза.

– Варя? – ее голос прозвучал как взрыв в ночной тишине. Она бросилась ко мне, но замерла в метре, уставившись на мой округлившийся живот. Ее глаза расширились от изумления. – Ты что, беременна? От Макса? Вот это да! А где твой муж? И почему ты с чемоданом?

– Лиза, столько вопросов, – горько усмехнулась я, переводя взгляд на родителей. Они все еще стояли на веранде, и на их лицах застыла смесь удивления, беспокойства и немого вопроса. – Даже не знаю, на какой из них отвечать.

– Где твой муж? – снова, с каким-то странным, загадочным оживлением спросила сестра, скрестив руки на груди. – Где Макс Яхонтов?

Горький комок подкатил к горлу.

– Мы с ним расстались, – прошептала я, и эти слова ото-

звались в груди жгучей, всепоглощающей болью.

– Нет! Не может этого быть! – воскликнула Лиза, и в ее голосе прозвучала не просто радость, а какая-то ликующая, почти триумфальная нота. Ее глаза заблестели неестественным блеском. – Так он что, получается, свободен?

Глава 8.

– А тебе какая разница? – вырвалось у меня, и я сама почувствовала, как из глубины души поднимается и разгорается огонь негодования, горячий и неуправляемый. Голос дрогнул, выдавая потрясение. – Свободен он или занят? Что ты вообще вкладываешь в этот вопрос, Лиза?

Сестра от моего напора попятилась, ее уверенность мгновенно испарилась, сменившись испугом. Она сделала шаг назад, ища защиты, и буквально спряталась за спину матери, как за каменной стеной.

– Да я просто спросила, – залепетала она, и в ее голосе слышались нотки детской обиды. – Что уж и спросить нельзя?

– Нельзя, Лиз! – голос мой сорвался, в нем зазвенели старые, давно знакомые нотки отчаяния и злости. – Ты вообще в своем уме или как? О чем ты думаешь?

– А ты сестру умом не попрекай, – тут же, как кнут, прозвучал голос матери. Она смотрела на меня не как на дочь, а как на врага, пришедшего на ее территорию. Ее глаза, узкие и колючие, сверлили меня. – Не доросла еще до таких речей.

Горький комок подкатил к горлу.

– Буду попрекать! – выдохнула я, чувствуя, как дрожат руки. – Мы с Максом еще юридически женаты, и спрашивать у меня, свободен ли мой муж, по меньшей мере, бестактно и

жестоко. А еще... еще это очень напоминает разговор малолетней девицы, которая тайком влюблена в «папика» старше ее. Лиза, ты же не такая, опомнись!

– Какая не такая? – передразнила меня сестра, высовываясь из-за материнской спины. В ее глазах вспыхнул вызывающий, злой огонек. – Будто ты знаешь, какая я сейчас? Пропала на целый год, забыла о существовании родных, и теперь думаешь, что хорошо меня знаешь?

– Значит, ушла от мужа, да еще и принесла в подоле, – язвительно, с тяжелым вздохом, усмехнулась мать. Ее губы сложились в тонкую, неодобрительную ниточку. – А еще смеет наставлять младшую сестру и обвинять ее в какой-то там бестактности. Сама-то бы постыдилась, Варвара! Где твоя гордость?

Воздух на веранде стал густым и тягучим, как патока. Я поняла, что совершила огромную ошибку.

Мать ничуть не изменилась. Она осталась той же злой, вечно недовольной женщиной, чья любовь всегда была условной и должна была заслуживаться беспрекословным послушанием.

Какой же я была душой, что решила на ночь глядя, в слезах и отчаянии, приехать в этот дом, который никогда не был для меня настоящим пристанищем.

– А чего мне стыдиться? – возмутилась я, и голос мой окреп от праведного гнева. Я положила ладонь на свой округлившийся живот, защищая малыша даже от этих слов.

– Я замужем и жду ребенка от законного мужа. А то, что мы с ним расстались, это наше с ним личное дело.

– Угу, да! Так мы и поверили, – фыркнула мать. Ее взгляд упал на мой чемодан, стоящий у ее ног, как обвинение. – Чего пришла, говори? Неужто вспомнила про родителей, о которых целый год даже не думала? Совесть замучила или сильно прижало хвост, так ты сразу к мамке с папкой прибежала? Как последняя нищенка.

От этих слов стало физически больно, словно меня ударили в солнечное сплетение. Гордость, которую я пыталась сохранить, рассыпалась в прах.

– Мне некуда пойти, – растерянно, почти по-детски прошептала я и исподлобья посмотрела на отца. И в его глазах я прочитала все: он был рад меня видеть, его сердце разрывалось от жалости, но он боялся это показать. Мать с Лизой давно уже загнали в нем всякую инициативу.

– Проходи, дочка, – тихо, но очень твердо произнес он и раскрыл мне свои объятия. В его голосе была такая знакомая, забытая за год нежность, что слезы снова, предательски, выступили на глазах. Он всегда был за меня, всегда тихо поддерживал, как мог. И даже сейчас, когда родная мать и сестра смотрели на меня, словно голодные волчицы, не желая пускать в дом, папа готов был отступить от всех их уставов и принять меня.

Я почти упала в его объятия, прижалась к его грубой рубашке, пахнувшей деревом и табаком. Мне стало так хорошо,

так тепло и безопасно, что я на мгновение забыла обо всем. И впервые за этот бесконечный, ужасный день я не чувствовала себя одинокой и абсолютно несчастной.

– Ну ты как? – тихо, чтобы не слышали другие, спросил отец, по-отечески похлопывая меня по спине. – Какой месяц? Кого ждешь?

– Что вы там шушукаетесь, как заговорщики? – резко прозвучал голос матери. Я вздрогнула и отпрянула от отца. Мне казалось, что я давно перестала бояться ее резкого тона, ее властной манеры, ее тяжелого характера. Но ничего не изменилось. Даже спустя год разлуки каждая клеточка моего тела помнила этот страх, и я снова не чувствовала себя в безопасности рядом с ней.

– Оль, иди в дом. Мы с Варенькой сами разберемся. И Лизу с собой захвати, – попытался настоять отец.

– Вот еще! – фыркнула мать, презрительно скривив губы. – «Разберутся», как же! У нас тут, между прочим, жить негде. В твоей старой комнате сейчас живет Лиза. Комнату переделали под ее будуар.

– Есть же еще комната Лизы, – мягко, но настойчиво ответил за меня отец, ласково глядя на меня. – Там и поживешь. Временно.

– Там вещи Варьки и немного моих! – тут же, как ошпаренная, вскрикнула младшая сестра, в ее голосе зазвенела паническая жадность. – Я не буду там спать!

– Значит, уберем все в кладовую, – невозмутимо париро-

вал отец. – Кстати, там давно надо было прибраться, самый раз.

– Тебе надо – ты и прибирайся, – ворчливо бросила мать и, развернувшись, с грохотом захлопнула за собой дверь в дом. Лиза, бросив на меня последний злобный взгляд, поплелась за ней.

Как только щелкнул замок, все напряжение, которое копилось во мне все это время, вырвалось наружу. Ноги подкосились, и я почти рухнула на старую деревянную скамейку, стоявшую на веранде. Я закрыла лицо руками, и меня затрясло от судорожных, беззвучных рыданий. Плечи предательски вздрагивали, а в груди все горело от обиды и несправедливости.

– Ну-ну, милая. Ну что ты? Не плачь. Все образуется, все наладится, – бормотал отец, садясь рядом и обнимая меня за плечи. Его ладонь была большой, шершавой и невероятно успокаивающей. Я прижалась головой к его плечу, стараясь унять дрожь и вдохнуть его спокойствие.

– Пап, я же думала... я же наивно думала, что она... что она будет хоть немного рада меня видеть, – всхлипывала я, вытирая мокрое лицо рукавом. – Столько времени прошло, а она до сих пор злится на меня и не может простить. За что? Что я такого ужасного сделала?

– Не бери в голову, дочка, просто это же твоя мать, у нее характер такой, – пожав плечами, отец простодушно улыбнулся. В этом был весь он. Как бы мать ни унижала его, ни

оскорбляла, он всегда находил ей оправдание, всегда был на ее стороне. Он по-своему любил ее, и эта любовь делала его слепым и беззащитным.

– Я ненадолго, пап. Всего на пару дней, пока не найду себе квартиру или комнату. Обещаю, не буду вам обузой.

– Варюш, перестань, тебя никто не гонит из этого дома, – строго сказал он. – Ты дома. Просто будь с мамой помягче, уступчивее, и она оттаает, перестанет злиться. Она просто обижена.

– Пап, да я никогда ничего плохого ей не делала! – вырвалось у меня с новой силой. – Всегда старалась быть лояльной к ее капризам и ее тяжелому характеру, всегда слушала ее нравоучения! Но она... она...

– Что она? Продолжай, доченька, не стесняйся! – из темноты зазвучал ледяной голос матери. Она стояла в приоткрытой двери, и по ее лицу было видно, что она подслушивала наш с отцом разговор с самого начала. – Говори правду-матку, руби с плеча. Я что, плохая мать? Я что, не права?

– Оль, уйди, я тебя прошу! – неожиданно резко среагировал отец, поднимаясь со скамейки. Но, встретившись с ее взглядом, он тут же осел, сдался. Его плечи опустились. – Пожалуйста... Дай нам поговорить.

– Нет, пусть она ответит, раз считает, что я не права! – мать вышла на веранду, ее фигура казалась огромной и грозной в полумраке. – Она же бросила нас, когда вышла замуж за своего Яхонтова! Бросила, забыла, уехала в свой богатый

дом и даже в сторону нашу не смотрела, словно мы прокаженные какие! Она хоть раз помогла нам, а Лизе? Когда ей нужна была работа, ты думаешь, твоя любимица хотя бы пошевелилась, чтобы устроить Лизавету к ее благоверному на работу? Хотя бы пальцем пошевелила?

– Разве Лиза не взрослая, чтобы самой найти себе работу? – возмутилась я, вставая и чувствуя, как гнев придает мне сил. – Или хотя бы доучиться в том университете, на который, кстати, дал денег Максим! Да, папа, это он тогда помог, а не твоя премия. Но она даже платно не смогла учиться, бросила все после года обучения. Деньги улетели в трубу, обучение тоже. Отличное вложение, нечего сказать.

– Ничего страшного, не обеднел твой принц, – хмыкнула мать, с вызовом сложив руки на груди. – А твой богатенький Буратино еще заработает. А вот то, что Лизу на работу не взял, еще аукнется ему, извергу. Жиду проклятому. Чтоб он провалился где-нибудь в канаве, чтобы...

– Мам! – вскрикнула я, и от ужаса перед ее словами у меня перехватило дыхание. – Ты что такое говоришь? Ты в своем уме вообще? Ты хоть знаешь, сколько он денег заплатил тогда, чтобы Лиза поступила в тот столичный университет? Ты хоть представляешь?

– И знать не хочу, – отрезала она, махнув рукой. – Это его прямая обязанность - поддерживать семью жены! А если не согласен, пусть катится ко всем чертям! – Она язвительно усмехнулась. – Кстати, а ты могла бы и повлиять на мужа.

Сама устроилась в жизни, катаешься как сыр в масле, а родную сестру поддержать не хочешь? Родная кровь, вроде как никак.

От ее лицемерия и жадности меня затрясло.

– Нет! Не хочу и не буду! – резко отвернулась я от нее, не в силах больше смотреть на это искаженное злобой лицо. – Я ей не мать и не благотворительный фонд. Пусть сама вертится, ищет, старается. Не маленькая уже, в конце концов.

– Ах, так! – завопила мать, и ее голос зазвенел истеричными нотками. Я не узнавала ее. – Эгоистка! Неблагодарная! Поделом тебе, что муж от тебя ушел. Поделом! Вот сейчас ты на своей шкуре поймешь, как это – жить и воспитывать ребенка в нищете, без гроша за душой. Помянешь тогда мои слова, доченька. Помянешь.

Глава 9.

– Я не верю своим ушам. Какая же наивная, что решила приехать в дом к родителям, надеясь, что меня здесь примут.

– Дочка, не слушай ее, - говорит мне отец, - она сегодня просто не с той ноги встала.

– Хм... не с той ноги, - усмехается мать и качает головой, - пришла сюда, словно так и надо, как будто ничего не произошло. Не здрасьте, не насрать. Будто ее тут ждали. Муж из дома выгнал, видимо, нагуляла приплод где-то, и она пришла к родителям, чтобы поплакаться.

– Мама, да замолчишь ты уже! - рявкнула, не в силах больше терпеть оскорбления. - С чего ты взяла, что меня муж выгнал, а не я сама от него ушла?

– Да кому ты нужна с таким пузом? Конечно, выгнал. Видимо, надоело ему терпеть тебя, вот и выставил. Хороша же нушка!

– Я сама ушла, потому что он в дом привел свою любовницу. Вторую жену, как он ей называет. И ребенка своего приволок.

– Ха, да ладно! Так бывает? Отец, ты слышишь? - Мать смеется и от ее смеха мне становится не по себе. - В дом привел свою любовницу, нет, вы видели подобное? Похоже, Яхонтов совсем с катушек слетел.

– Хватит, Оль! - попытался возразить отец, но его голос

дрогнул. Он взглянул на меня и мягко сжал мою ладонь. – Разве ты не видишь, как плохо твоей дочери от этой ситуации? Чего ты на больное-то давишь?

– Я еще даже не начинала давить! - Резко прерывает мать отца. - Не начинала. Но если начну... хм... И да, я всегда говорила, что Яхонтову нужно было жениться на Лизавете. Вот тогда всё было бы иначе.

– Бред какой-то, - я истерически смеюсь и встаю с лавочки, чтобы уйти, - вот только при чём тут Лиза?

– Она моложе и мудрее тебя. Знает, как удержать мужа возле себя. Видимо, ты другого поля ягода.

– Достаточно! - Резко прерываю мать и ухожу с веранды. Разворачиваюсь и смотрю на опечаленного отца. - Спасибо пап, но я здесь больше не останусь.

– Варюш, ну куда ты на ночь глядя? Куда пойдешь?

– Не знаю, - пожимаю плечами, чувствуя, как по щекам текут слезы, - куда-нибудь.

– Подожди, я тебе сейчас денег принесу.- Вскрикивает родитель, но его останавливает мать, стоящая в дверях, не давая ему пройти в дом.

– Не надо, пап. У меня есть немного. Хватит на первое время.

– Нет, постой. Я принесу, - он пытается прорвать оборону матери, и это у него с трудом, но получается. Отец убегает в дом и последний раз, взглянув в глаза матери, разворачиваюсь и иду в сторону скошенной калитки. А затем выхожу на

дорогу и направляюсь в сторону автобусной остановки. Чемодан катиться за мной и одно радуется, что там есть колесики. Тащить эту тяжесть я бы просто не стала, скорее выкинула его в кусты. Уже на все плевать. Надо было бы вызвать такси, но из дома я не хотела этого делать.

Смотреть на грустные глаза отца и торжествующие глаза матери, не было никаких сил. Какие же они все же разные мои родители. Словно с разных планет. Сколько себя помню, мать всегда была злой ведьмой, а папа - мягким и добрым человеком, которого загнали под каблук и так оттуда и не выпустили.

Когда же я дошла до автобусной остановки, хотя мне многие сигналили и пытались остановиться, я решила все же вызвать такси. Час был поздний, и возможно, автобусы уже не ездили, а ночевать на автобусной остановке я не собиралась. Я, конечно, была чудаковатый, но не до такой же степени.

Поэтому достав из сумки телефон, я набрала первое попавшееся такси и вызвала его.

И только после этого, увидела на экране извещения о нескольких пропущенных вызовах от Макса, а еще пара смс, в которых он просил вернуться меня домой.

Удалив сообщения и не перезвонив мужу, я стала ждать такси.

Но вместо такси на автобусной остановке остановился автомобиль с затемненными стеклами и включенными фарами и какое-то время просто стоял.

Вжавшись в лавочку и загородив ноги чемоданом, я спря-
тала сумку, хотя в ней особо ничего не было, и пожалела о
том, что не взяла с собой перцовый баллончик. Когда-то мой
муж подарил мне этот предмет, и он всё это время лежал в
прихожей нашей квартиры, ни разу не покидая её пределов.
Я часто ездила на такси или ходила куда-то с мужем, но одна
почти никогда не выходила, поэтому не видела смысла но-
сить его с собой.

Но сейчас я поняла, что лишним бы баллончик не был.
Бежать куда-то на восьмом месяце беременности с чемода-
ном в руках, не имело смысла.

Но тут передняя дверь автомобиля открылась, и я увиде-
ла, как оттуда вышел высокий мужчина в черном костюме и
белой рубашке.

Я не видела его лица в темноте, лишь силуэт. Не толстый,
не худой, спортивного телосложения. Почесав подбородок,
он обошел свой автомобиль и, облокотившись на пассажир-
скую дверь, скрестил ноги. Склонив голову к плечу, он при-
стально вглядывался в мое лицо.

– Если вам нужны мои деньги, телефон или кредитная
карта, забирайте. В чемодане только вещи, но если и они
нужны, я не против!

– Мне не нужны твои деньги или вещи, - серьезным голо-
сом произнес мужчина.

– Но у меня больше ничего нет. И я уже не невинная де-
вушка, - чуть привстав, я показала на свой большой живот,

- я беременная. Пожалуйста, не бейте меня.

– Я не собираюсь бить тебя или обижать, а всего лишь хочу подвести тебя.

– Меня? - Ахнула я от неожиданности. - Но... я вас не знаю и боюсь.

– Варвара Шуйская? Это ведь ты?

– В девичестве Шуйская, сейчас Яхонтова. А вы кто такой? Откуда вы меня знаете? - Удивленно спросила я, вглядываясь в незнакомое лицо мужчины.

– Оттуда, Варь. - Радостно произнес мужчина, сделав несколько шагов в мою сторону и остановившись рядом с остановкой, где тускло светил единственный фонарь. Передо мной стоял взрослый мужчина с лёгкой щетиной на лице, сквозь которую пробивались седые волосы. Они также были заметны и на его голове. Его ясные глаза были обрамлены не очень глубокими морщинами, которые добавляли ему возраста и мудрости. - Ну здравствуй, Варюша.

– Дядя Вардан, – произнесла я тихо, всё ещё не в силах поверить в то, что вижу. – Это вы? Правда, вы?

– Я, – улыбнулся мой добрый знакомый, сверкнув белоснежными зубами. – Сколько же лет прошло с тех пор? Десять?

– Двенадцать, – ответила я дрожащим голосом и, поднявшись, бросилась на шею своей первой юношеской любви – уже взрослому мужчине.

Глава 10.

– Так вот, значит, ты какая стала, – его голос, низкий и теплый, пропитан улыбкой. Взгляд, скользящий по мне, не скрывает искреннего любопытства и какой-то ностальгической нежности. – Взрослая. Красивая. И, я смотрю, довольно-таки внушительная, – он указывает подбородком на мой живот, и в его глазах играют добрые чертики.

Я невольно хмыкаю, поправляя прядь волос, выбившуюся из-за уха. От его внимания почему-то щеки начинают гореть.

– Ну и какая же я, Вардан?

– Опасная, – смеется он. – Раньше – девочка-искра, а теперь – женщина-вулкан. И кого ждешь-то в таком солидном ранге?

– Сына, – не могу сдержать горделивой улыбки, проводя ладонью по крутому склону живота. Внутри толкается ножкой тот, ради кого все это терплю.

– Сын – это сила, – одобрительно кивает он. – Хотя дочки... дочка – это что-то особое. У меня, знаешь ли, папина дочка подрастает, Алией зовут. С ума сходит по папе.

Гордость в его голосе такая искренняя, что на мгновение становится тепло и светло внутри. Но тут же накатывает грусть.

– Мой муж... мой муж очень хотел именно сына, – голос сам по себе становится тише, и я отвожу глаза в сторону. –

Кажется, приложил все усилия, чтобы его заполнить.

Вардан демонстративно оглядывается по сторонам, его лицо выражает преувеличенное недоумение.

– Хм... И где же этот счастливый обладатель наследника? Не вижу я его рядом с будущей мамой. Неужели отпустил одну в такое время? Да еще и с чемоданом?

Я замираю, стискивая пальцы на коленях. Комок в горле мешает говорить. Как произнести слова, которые разрушают не только меня, но и всё, во что я верила?

– Он... – голос срывается, и я опускаю взгляд в пол, чувствуя, как предательский румянец стыда заливает щеки. – Это... долгая история.

– Варя, – его голос становится мягче, без тени насмешки. – Ты стоишь одна на автобусной остановке. Ночь на дворе. Если бы я не подобрал тебя, неизвестно, чем бы это все закончилось. Давай без игр. Я видел, как ты шла от родительского дома. Вид был... скажем так, не самый радужный. Разругалась с семьей? Молчишь. Значит, так оно и есть.

Он берет мой чемодан решительным движением. Его пальцы смыкаются на ручке крепко, по-хозяйски.

– Идем к машине. Нечего тут на холоде торчать.

Я колеблюсь секунду, но он уже открывает дверь, и его уверенность не оставляет места для сомнений.

– Варя, ты что, язык проглотила? – он усмехается, усаживаясь за руль. – Раньше-то тебя было не остановить. Рыжая болтушка, помнишь? Я тебя так и звал.

Память отзывается теплой волной. И болью.

– Помню, – выдыхаю я. – Как же не помнить. Еще Пэппи Длинный чулок и мадам Антошка. Очень лестно, надо сказать.

Он заливается заразительным смехом.

– Точно! Ха-ха-ха! И как я мог забыть? Веснушки, которые не помещались на лице, и эта грива... Настоящий одуванчик. Все расчески ломались.

– Было дело, – я качаю головой, с горьковатой улыбкой вспоминая ту нескладную, вечно смущенную девочку. – Не лучшее время для демонстрации красоты и обаяния.

– Неправда, – его голос внезапно становится серьезным. – Ты была самой обаятельной девчонкой на свете. Которая... ЭМ-М...

– Которая бегала за тобой, как сумасшедшая, и готова была на все, чтобы ты ее заметил, – заканчиваю я фразу тихо, чувствуя, как горят уши. Старая рана дает о себе знать едва заметной щемящей болью.

– Да, – он кивает, и в его глазах мелькает что-то похожее на легкую вину. – Было и такое. И знаешь, это было чертовски мило.

– Мило? – фыркаю я с обидой, которой уже нет. – Для тебя – мило, а для меня – целая трагедия. Ты меня вообще не замечал.

– Я был в одном шаге от женитьбы, – он смотрит на меня прямо, и его взгляд становится серьезным. – Ты же знала это.

– Знала, – выдыхаю я, делая вид, что мне давно уже не больно. – И страдала соответственно. Плакала ночами в подушку, писала стихи... Целые тома ненаписанных писем тебе.

– Нееееет! – растягивает он слова. – Неужели правда?

Он смотрит на меня с таким комичным ужасом, что я не выдерживаю и растворяюсь в смехе.

– Конечно, нет! – хлопаю его по руке, хохоча уже по-настоящему. – Что ты! Я нашла себе парня получше и всюю наслаждалась жизнью. Мы по ночам бегали по поселку голышом, купались в озере при луне... – я закатываю глаза, изображая блаженство.

– Не верю! – он качает головой, но в его глазах читается неподдельное любопытство. – Я бы обязательно прознал про голую рыжую девицу, бегающую по округе!

Я лишь пожимаю плечами, отворачиваясь к окну. Продолжать этот разговор нет никаких сил. Потому что правда была где-то посередине: и слезы в подушку были, и отчаянные попытки забыть его с другими. И та всепоглощающая ненависть к его невесте, которой я теперь так стыжусь.

– Так почему же ты все-таки шла от родителей с чемоданом? И где твой муж? – его вопрос возвращает меня в суровую реальность.

Я закрываю глаза. Как рассказать всю эту боль человеку, который за столько лет стал почти незнакомцем?

– Это... очень долгая и некрасивая история. И я не уве-

рена, что хочу ее рассказывать... – голос срывается.

– Человеку, который стал тебе чужим? – мягко заканчивает он. Я молча киваю, глядя на свои руки. – Знаешь, – говорит он задумчиво, – есть такой феномен... Иногда совершенно незнакомые люди в купе поезда рассказывают друг другу такие тайны, которые никогда не открывают близким. Потому что знают – больше не увидятся. И это навсегда останется за бортом их жизни. Такой вот способ исповеди без последствий. – Он поворачивается ко мне, и в его глазах нет ни насмешки, ни жалости. – Я готов стать таким вот случайным попутчиком. Выслушаю все. Не буду осуждать. Не буду давать советов. А когда довезу тебя куда надо – испарюсь. И мы больше никогда не встретимся. Как тебе такой вариант?

В его предложении столько спасительной простоты, что сердце замирает. Возможность выговориться. Без последствий. Без оценок.

– Знаешь что? – я глубоко вздыхаю и смотрю ему прямо в глаза. – Это... заманчиво. Давай попробуем. Я согласна.

Глава 11.

Тишина в салоне машины была густой и звенящей, нарушаемая лишь ровным урчанием мотора. Я смотрела в темное боковое стекло, где мимо проплывали размытые огни ночного города, и не видела их. Внутри была лишь пустота и тяжелое, свинцовое недоумение.

– Куда тебя отвезти? – мягко спросил Вардан, переводя машину на нейтралку у светофора. Его голос вернул меня из омута отчаяния.

Я лишь бессильно пожала плечами, не в силах вымолвить слово. Мыслей, планов, маршрутов не существовало. Весь мой мир, выстроенный с таким трудом, рухнул за несколько часов, и сейчас я была похожа на перекати-поле, выброшенное на обочину ураганом.

– Наверное... в какой-нибудь отель, – наконец выдавила я после тягостной паузы, ощущая вкус лжи и унижения на языке. Собственных денег у меня не было. Все, что я имела, – это кредитная карта, щедро пополняемая Максом. И сейчас я отчаянно молилась, чтобы он из злости или по забывчивости не заблокировал ее сразу. Если это случится... я останусь на улице. Беременная, с одним чемоданом и разбитым сердцем. Горькая ирония заключалась в том, что я, жена успешного бизнесмена, никогда не думала о «зачатке». Я жила в его золотой клетке, тратя деньги на наряды, кос-

метику и уют для нашего общего гнездышка, которое оказалось фикцией. Как же стремительно наступил этот «черный день» и как больно он ударил – точно обух по затылку.

– Как-то совсем безнадежно ты это произнесла, – заметил Вардан, бросая на меня быстрый, оценивающий взгляд. – И, кстати, долго в отеле не протянешь. Деньги уходят быстро, как вода в песок.

– Я не собираюсь там селиться навечно, – возразила я, пытаюсь придать голосу твердости. – Пару дней, не больше. Пока не найду съемную квартиру или комнату.

– Знаешь, не надо ничего искать, Варюш, – он сказал это просто, без пафоса. – Есть у меня одна квартира. Небольшая, вид из окна так себе, но... уютная. Холостяцкая хата.

Мое сердце екнуло от неожиданности и тревоги.

– Я не буду с тобой жить! – отрезала я, слишком резко, и сама испугалась своей резкости. Я посмотрела на него и увидела, как его губы тронула улыбка.

– Хм... так резко мне еще не отказывали, – он рассмеялся, и этот смех, теплый и искренний, заставил меня покраснеть от смущения. Я невольно улыбнулась в ответ и легонько потрепала его по руке, лежавшей на рычаге коробки передач.

– Прости, я не это имела в виду. Просто... я замужем. Пусть и формально сейчас.

– Варя, я не предлагаю тебе жить со мной, – его голос стал серьезнее. – Квартира пустует. Я в ней не живу, а сдавать ее в аренду пока не хочу. Она... мужская. Там после развода оби-

тал я, потом мой друг, пока не женился. Пахнет старым паркетом, сигаретным дымом и одиночеством. Но тебе же сейчас негде голову преклонить? Просто посмотришь. Если не испугаешься и тебе понравится – останешься. Сможешь обустроить все по-своему. А там, как знать... – он пожал плечами, оставляя фразу незавершенной, и снова посмотрел на меня. – Ну что, согласна?

В тот момент я ощутила такую физическую усталость, что казалось, вот-вот рассыплюсь. Ноги гудели и ныли, спина затекла от долгого сидения и нервного напряжения, а в висках отстукивал навязчивый ритм начинающейся головной боли. Я положила ладонь на живот, чувствуя, как мой сыночек шевелится, словно напоминая о себе и своем голоде. Легкая, знакомая тошнота подкатила к горлу, и я поняла, что сил спорить и искать другие варианты у меня просто нет.

Я закрыла глаза на секунду, сдаваясь, и кивнула.

– Хорошо. Согласна. Поехали к тебе. Ты прав, выбирать мне сейчас не из чего. Честно... я просто хочу принять душ и рухнуть во что-то, похожее на кровать, – я громко, без сил зевнула, прикрывая рот ладонью, и тут же смущенно пробормотала: – Извини.

– Устала, да? – спросил он, и в его голосе снова появились те теплые, бархатные нотки. – День, я смотрю, выдался не из легких. Рассказывай, Варюш. И тебе станет легче, и мне... ну, не веселее, но понятнее.

– Ты думаешь, история, которую я хочу рассказать, может

быть забавной? – горько усмехнулась я.

– Нет. Вот вообще так не думаю. Скорее, она очень горькая и несправедливая. Но пока ты носишь ее в себе, как занозу, она отравляет тебя изнутри. А у тебя я знаю, душа светлая. Ты как Пеппи Длинный чулок – всегда с огоньком. И тот, кто посмел тебя обидеть, обязательно получит бумерангом по хребту... ну или между ног. Законы Вселенной еще никто не отменял.

– Я уже давно не Пеппи, – выдохнула я, но почувствовала, как в груди что-то оттаивает, а комок в горле понемногу рассасывается. – А насчет бумеранга... Хотелось бы, конечно, в это верить.

– Что этот мудак сделал тебе, Варюш? – его вопрос прозвучал так тихо, так по-дружески ласково, что мое хрупкое самообладание рухнуло в одно мгновение.

– У мужа... есть вторая семья, – слова вырывались с трудом, обжигая губы. – И как я сегодня поняла, уже очень давно. Он все это время скрывал от меня... скрывал свою любовницу, которую считает второй женой, и... и ребенка. Дочку... – голос сорвался на высокой, истерической ноте, и я резко замолчала, лихорадочно пытаюсь найти в сумочке пачку салфеток.

Но салфеток не было.

А слезы текли ручьем, горячие, соленые, заливая лицо и застилая глаза густой пеленой. Я уже почти ничего не видела, лишь смутно понимала, что машина плавно затормози-

ла и встала на обочине. Потом чьи-то большие, теплые руки осторожно вытерли мои слезы, аккуратно, почти по-детски, высморкали меня. И затем меня мягко притянули к широкой, твердой груди, прижали и начали медленно покачивать, как маленького, испуганного ребенка.

– Ну-ну, тише, малыш. Тише. Все наладится, все образуется, – его голос был глухим, утробным, таким спокойным и надежным. – Хотя знаешь что? Не надо тише. Давай громко! Что есть сил! Можешь кричать, ругаться, обматерить всех, кого хочешь. Давай, не стесняйся, я все вынесу. Только не молчи, Варюш! – он сказал это чуть громче, и в его словах была не злость, а какая-то отчаянная поддержка. – Не копи в себе эту гадость. У тебя же ребенок под сердцем. Он все чувствует. Маме плохо – и ему тоже несладко.

Он продолжал говорить – ласковые, успокаивающие слова, которые не имели особого смысла, но были нужны как воздух. Он укачивал меня и вытирал новые слезы, и в этой простой, почти отеческой заботе было столько тепла и участия, что боль понемногу начала отступать, уступая место истощению.

И горькая ирония жизни заключалась в том, что в этот самый тяжелый момент меня поддерживал неродной отец, запуганный и сломленный, не мать, для которой я была лишь разменной монетой, и, уж конечно, не муж, когда-то клявшийся в вечной любви. Меня спасал Вардан – человек, долгие годы бывший для меня просто знакомым из прошлого,

почти чужаком.

А сейчас, в кромешной тьме моего отчаяния, он стал самым родным и самым надежным причалом.

Глава 12.

– Ну вот, смотри, – произнес Вардан, и в его голосе прозвучала легкая, почти мальчишеская гордость. Он широко распахнул дверь, впуская меня внутрь, и жестом, словно представляя дорогому гостю королевские покои, показал на свое холостяцкое жилище.

Квартира оказалась однокомнатной студией, где все зоны слились в одно открытое пространство. Гостиная, кухня и спальня существовали без перегородок, создавая ощущение свободы и одновременно некоторой незащищенности. Сквозь панорамные окна, скрытые до самого пола тяжелыми темно-коричневыми портьерами, в комнату пробивался тусклый свет ночного города, отбрасывая на полированный бетонный пол длинные причудливые тени.

– Здесь неплохо, – выдохнула я. На губах невольно появилась усталая улыбка. – Уютно.

Я медленно прошлась по небольшому периметру, мои мягкие туфли бесшумно ступали по прохладной поверхности. Воздух пах свежестью, с легкими нотами мужского парфюма и старого дерева. Мебели было минимум – лаконичный угловой диван, похожий на огромное мягкое облако, барная стойка вместо обеденного стола, несколько строгих полок.

Зато пространства было много, и это было приятно после

вычурной, перегруженной дорогими безделушками квартиры Макса. На полу, рядом с диваном, лежал большой лохматый плед с тигровым принтом, а на стене висел огромный панорамный экран, напоминающий портал в другой мир.

– Неплохо, да? – Вардан наблюдал за моей реакцией, стоя у двери. – Я надеюсь, тебе здесь и правда нравится, и ты это говоришь не потому, что хочешь сделать мне приятно.

В его глазах читалось искреннее желание помочь, и это расторгло меня до глубины души.

– Нет, Вардан, – честно ответила я. – Мне действительно здесь очень нравится. Я хотела бы остаться.

С этими словами я подошла к дивану и опустилась на него, ощутив, как упругая мягкость обивки нежно обволакивает мое уставшее тело. Это было первое по-настоящему безопасное место за весь этот бесконечный день.

– О-о-о-о, тогда я очень рад! – его лицо озарила широкая, беззаботная улыбка. Он довольно потер ладони, словно мальчишка, удачно пошутивший. – Позволь, на правах временного хозяина этой небольшой холостяцкой берлоги, предложить тебе чай с печеньем? Кажется, это всё, что у меня есть из съестного. Если, конечно, пауки в углах не в счет.

– Позволяю, – улыбнулась я в ответ его шутке. – И буду очень рада побаловаться печеньем.

– А если хочешь, то закажем пиццу? – оживился он. – С шампиньонами и ветчиной, мм? Как на это смотришь? Я знаю одно место, они привозят просто бомбезную.

Мысль о еде вызывала легкую тошноту. Усталость навалилась такая, что даже жевать казалось непосильным трудом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.